

КНИГА ПЕРВАЯ

Медный Джон

(1820–1828)

1

Третьего марта тысяча восемьсот двадцатого года Джон Бродрик выехал из Эндриффа в Дунхейвен, намереваясь проделать все пятнадцать миль, составляющие его путешествие, еще до наступления ночи. Стояла обычная для юго-запада погода: порывистый ветер нагонял внезапный дождь, который лил в течение пятнадцати минут, а потом прекращался, оставив на небе голубое пятнышко размером с кулак, сквозь которое проглядывало ничего не обещающее солнце.

Дорога в те времена была неровная, вся в ухабах и рытвинах, и Джон Бродрик, которого бросало из стороны в сторону в почтовой карете, крикнул кучеру, чтобы тот ехал поосторожнее, а не то им обоим придется провести ночь в канаве и к тому же остаться без ужина.

Все вокруг постоянно говорили о том, что нужно построить новую дорогу, но дело ограничивалось одними разговорами, и правительство пока еще не прислало на строительство дороги ни единого пенни. Все бремя расходов ляжет в конце концов на него и других землевладельцев. Беда в том, что никто из них не спешил опустить руку в карман, а если их вынуждали, они делали это с такой неохотой, столько бывало жалоб на тяжелые времена, неуплаченную вовремя ренту и нерадивых арендаторов, что проще было泊беречь собственное время и нервы

и прекратить всякие разговоры, а дорога тем временем окончательно разрушалась, так что ездить было не лучше, чем по Килинскому болоту.

Однако в Слейне скоро должны состояться выборы, и если Хейр хочет сохранить свое место в парламенте — а он несомненно этого хочет, — то Бродрик будет вынужден ему объяснить, что голоса отдаются не просто так, не за то, чтобы министры сидели в Лондоне сложа руки, нисколько не заботясь о том, что делается у них в округе.

Как мало у нас энергичных людей, если как следует подумать. Дело тут не в самомнении, но он не может назвать ни одного человека, который был бы способен сделать то, чего он, не далее как сегодня, добился в Эндриффе, да и вообще, кому бы могло прийти в голову, что такое возможно? Слишком рискованно, говорил поначалу старик Роберт Лэмли, качая головой и выдвигая одно возражение за другим: они ведь не смогут оправдать расходы и вернуть свои деньги, они разорятся и им придется продавать землю.

— Рискованно? — возражал ему Бродрик. — Ну конечно, риск в этом есть. Но разве каждый человек не рискует сломать себе шею, стоит только ему выйти из дома? Я допускаю, что заложить шахту не просто, это связано с немалыми расходами: потребуются механизмы, рабочая сила, да и грунт здесь совсем не тот, что в Корнуолле, это надо признать, — ведь там руду можно просто грести лопатой и грузить на тачки, тогда как у нас ни одной унции не получишь без применения пороха. Но медь у нас есть, она наша, только бери. Вчера мы осматривали участок вместе с неким мистером Тейлором, это один из самых знающих директоров на Корнуолльских шахтах, и он вполне разделяет мое мнение о наших местах. В моей земле, так же как и в вашей, зарыто целое состояние, мистер Лэмли. Если вы согласны образовать компа-

нию, которую я собираюсь возглавить, — причем вы сами могли убедиться на основании условий, разработанных моим агентом, которые я вам только что показал, что я рискую гораздо больше, чем вы, — я вам гарантирую, что через несколько лет ваши доходы от разработки меди превысят тысячу фунтов в год. Если же вы не хотите принять участие в соглашении, то больше не о чем говорить.

И он встал с кресла, собрал бумаги и сделал знак своему агенту, что обсуждение на этом заканчивается. Не успел он дойти до середины комнаты, как Роберт Лэмли попросил его вернуться.

— Мой дорогой Бродрик, зачем так спешить? Ведь чтобы принять окончательное решение, мне необходимо уточнить кое-какие детали.

Они снова сели к столу и еще раз обсудили то, что двадцать раз обсуждали до этого, причем Лэмли никак не мог успокоиться и пытался добиться более высокого процента. Наконец контракт был подписан, документы скреплены печатями, а сделка — крепким рукопожатием, и в честь этого события в старинной библиотеке замка Эндрифф было подано угощение. Джону Бродрику, которому удалось наконец добиться своего, не терпелось поскорее уйти, однако ему пришлось остаться и побеседовать с хозяином.

— Я надеюсь, — сказал он, — что вы заглянете к нам в Клонмир, когда дела приведут вас в Дунхейвен. Мои дочери будут рады вас приветствовать, а сыновья предоставят вам возможность поохотиться. — А старик Лэмли, очень довольный, что ему удалось выторговать свои двадцать процентов доходов от будущей шахты, и оттого особенно любезный, в свою очередь пригласил молодых Бродриков в Дункрум пострелять фазанов и зайцев в любое время, когда им угодно будет приехать.

Джон Бродрик уже окликнул кучера и забрался в почтовую карету, когда его позвал Саймон Флауэр, зять Лэмли, который только что вернулся с охоты, забрызганный грязью с головы до ног, и стоял, обнимая за талию свою двенадцатилетнюю дочь.

— Ну и как? — спросил он с широкой улыбкой на красивом, цветущем лице. — Удалось вам заставить старика поставить свое имя на ваших бумажках?

— Мы образовали компанию по разработке меднорудного месторождения на Голодной горе, если вы имеете в виду именно это, — холодно отозвался Джон Бродрик.

— Вот как? И всего за несколько часов? — удивился Флауэр. — А я вот уже пятнадцать лет пытаюсь его уговорить заменить несколько черепиц на крыше замка. Ведь во время дождя, даю вам честное слово, вода хлещет прямо мне на голову, когда я лежу в постели, а на деньги, что он мне дает, даже не замесишь раствор.

— Через год-другой у вас будет достаточно денег на то, чтобы обновить всю крышу и вдобавок пристроить новый флигель, если вам захочется, — сказал Бродрик.

Саймон Флауэр поднял глаза к небу, изображая притворное смирение.

— Этого мне не позволит совесть, — заявил он, — и должен вам заявить со всей прямоотой, мой дорогой мистер Бродрик, если я буду знать, что медь добывается потом и кровью молодых рабочих и детей, я не трону ни одного пенса из денег моего тестя; пусть лучше крыша упадет мне на голову.

Джон Бродрик смотрел на эту пару из окна кареты: беззаботный, улыбающийся Саймон, его ровесник, который в жизни не ударил палец о палец и спокойненько жил на деньги своей жены, и хорошенькая, цветущая девочка с чуть раскосыми глазами, которая смеялась, стоя рядом с отцом.

— Я бы вам посоветовал стать одним из директоров компании, Флауэр, — сказал он. — Это серьезное занятие, отнимающее несколько часов каждый день; нужно наблюдать за работой в шахтах, следить за порядком среди рабочих, ездить два раза в год в Бронси на медеплавильный завод и делать еще многое другое.

Саймон Флауэр покачал головой и вздохнул:

— Мне очень жаль, что вообще собираются закладывать эту шахту. Нам она не нужна, мы и без нее хорошо живем. Зачем вам понадобилось лишать нас покоя, зачем нужно, чтобы рабочие надрывались, добывая руду, а бедная старушка-гора сотрясалась от взрывов?

Джон Бродрик пошевелился, удобнее устраиваясь в карете.

— Я верю в прогресс, хочу дать работу всем этим беднягам, которые здесь влачат самое жалкое существование, хочу заработать деньги, чтобы обеспечить своих детей и детей моих детей, когда я умру.

— Ну знаете, — сказал Флауэр, — они не скажут вам за это спасибо. Ладно, Бродрик, давайте стройте свою шахту, зарабатывайте деньги, а я буду сидеть себе спокойно и пользоваться проистекающими из этого благами. — Он улыбнулся и поцеловал дочь, прижав к груди ее головку. — Подумайте о том, сколько измученных рабочих будут копать в недрах горы, ради того чтобы обеспечить нам спокойную жизнь. — Он засмеялся и, сняв шляпу, весело помахал Бродрику на прощание.

Как это знакомо, думал Джон Бродрик, глядя на противоположный берег залива Мэнди-Бей, все они похожи друг на друга, все или почти все в этих краях: безответственные, безразличные ко всему, думают только о своих собаках и лошадях; полгода проводят на континенте, жарятся там на солнышке, а остальное время зевают, сидя в четырех стенах.

Собственные арендаторы их презирают, земля — бог знает в каком состоянии, да к тому же еще закладывают за галстук — к двум часа дня уже навеселе.

Он без труда выкинул Саймона Флауэра из головы, поскольку испытывал презрение к людям, которых не понимал, и, глядя на длинные волны Атлантики, врывающиеся в Мэнди-Бей, пытался представить себе корабли, которые вскоре повезут руду от пристани в Дунхейвене, вдоль побережья, а потом через пролив в Бронси. Транспортировка — это самая трудная часть всего предприятия, поскольку гавань сильно мелеет во время отлива и суда почти что садятся на дно, а в плохую погоду вообще не могут никуда двинуться по целым неделям. Он вспомнил, как они — бедная Сара была тогда еще жива — застряли в Мэнди больше чем на три недели из-за погоды, потому что капитан не хотел подвергать риску свое судно, — дул юго-западный штормовой ветер, и он отказывался пускаться в путь даже на небольшое расстояние, а дороги были такие скверные, что Саре в ее положении, когда вот-вот должна была появиться на свет Джейн, ехать по ним было совершенно невозможно.

Нет, летом судам придется работать, не теряя времени, поскольку зимой в делах неизбежно будет некоторый застой, и он с удовлетворением подумал, что пару недель тому назад заприметил на верфи в Слейне два-три отличных судна (одно из них только-только закончено, даже краска на нем не высохла), которые можно было бы купить по сравнительно небольшой цене, если отправиться туда, не теряя времени, пока не распространились слухи о новой компании. Оуэн Вильямс, что живет по ту сторону воды, тоже будет присматривать подходящее судно у себя. Как удачно, что он, Бродрик, заключил такое выгодное соглашение с фирмой по транспортировке руды и доставке ее медеплавильным компаниям.

Он предполагал, что в будущем ему придется достаточно часто бывать в Бронси, и решил, что необходимо купить небольшой домик где-нибудь поблизости от порта, поскольку жить в самом Бронси неудобно. К тому же это внесет некоторое разнообразие в жизнь дочерей. Клонмир достаточно уединенное место, он отрезан от всех возможных удовольствий, и теперь, когда девочки подросли, они начинают об этом поговаривать, особенно Элиза. Мальчики — совсем другое дело. Для них Клонмир — это каникулы, они приезжают туда из Итона и Оксфорда, но девочки... не могут же они гоняться за зайцами на острове Дун или бродить по колено в воде, охотясь на бекасов.

Карета проехала мимо маленькой церквушки в Ардморе — она была своеобразным маяком на берегу моря, самым дальним форпостом обширного дунхейвенского прихода, — и дорога стала круто подниматься вверх к подножию Голодной горы. Джон Бродрик крикнул кучеру, чтобы тот остановился.

— Подожди меня минутку, я долго не задержусь.

Он стал взбираться на холм в сторону от дороги и через пять минут, когда молодой кучер и карета скрылись из глаз, подошел к месту будущей шахты. Он постоял там, оглядываясь вокруг, заложив руки за спину. Трудно себе представить, что пройдет всего несколько месяцев и будет заложена шахта, появятся трубы и прочие мрачные приметы строительства; там, где сейчас нет даже тропки, будет проложена дорога, один за другим появятся сараи, лачуги шахтеров, застучат и загудят машины.

А сейчас здесь клонила от ветра жесткая трава, солнце, выглянув на секунду из-за облаков, осветило покрытые лишайником скалы, которым вскоре суждено было взлететь на воздух; перед ним вдруг вылетел из травы бекас и взмыл в небо. Джон Бродрик поднял глаза — над ним простиралась дикая,

нетронутая громада Голодной горы, вершина которой утопала в тумане. Он знал эту гору во всякое время года, в любом ее настроении. Зимой, когда Дунхейвен стоял еще нетронутый морозом, вершину Голодной горы покрывала снежная шапка, а озеро, расположенное неподалеку от нее, было затянато тонким льдом. Потом наступал февраль со своими бурями и ливнями, скрывая гору пеленой зыбкого тумана до самой весны, когда однажды утром он просыпался навстречу дню несказанного блеска, сулящему надежду и обещание, а воздух напоен влагой, столь нежной и заманчивой, что другой такой не найдется ни в одном другом месте на земле, только здесь, в родных краях; и вот перед ним снова Голодная гора, она сверкает и улыбается под голубыми небесами — туман рассеялся, бури забыты, и появляется неодолимое желание забросить все дела и заботы рачительного хозяина; она напоминает о том, что на свете существуют бекасы и зайцы, на которых следует охотиться; что в водах озера водится рыба и что есть на свете теплая густая трава, на которую можно улечься и заснуть, греясь в лучах солнца.

Да, и жаркие летние дни, тишина и покой, в небе парит ястреб, над гладью озера порхают бабочки, едва не касаясь поверхности воды, купанье в озере — он помнил со времени своего детства, какая там чистая прохладная вода.

А теперь скрытые богатства Голодной горы будут наконец извлечены на поверхность, ее сила будет взнуздана, сокровища перейдут в руки людей, а тишина нарушена во имя прогресса. Нужно, чтобы силы природы служили человеку, думал Бродрик, и в один прекрасный день этот край, нищий и заброшенный, займет свое законное место среди богатых стран мира. Не при нем и даже не при его сыне или сыне его сына. Но когда-нибудь, лет через сто, это может осуществиться.

Снова набежавшее облако закрыло солнце, Джону Бродрику на голову упала капля дождя, он повернулся спиной к Голодной горе и стал спускаться к дороге.

Подходя к карете, он увидел человека, который стоял на дороге, поджидая его. Это был высокий сгорбленный старик лет шестидесяти, он тяжело опирался на палку; его светлые голубые глаза составляли странный контраст с загорелым, почти коричневым лицом. Увидев Джона Бродрика, он улыбнулся, однако в его улыбке не было ни радости, ни сердечного расположения, казалось, что она родилась из какого-то скрытого недоброго веселья. Джон Бродрик приветствовал его коротким кивком головы.

— Добрый день, Донован, — сказал он. — Далеко ты зашел от дома при больной-то ноге.

— Добрый день, мистер Бродрик, — ответил старик. — Что до моей ноги, то она привыкла бродить по горам и дорогам и служит мне исправно. Как вам нравится участок, который вы выбрали для новой шахты?

— Откуда ты знаешь о новой шахте, Донован?

— Может быть, мне рассказали о ней феи, — сказал Донован, продолжая улыбаться и почесывая голову набалдашником палки.

— Ну что же, сейчас уже не важно, пусть себе знают, — сказал Бродрик. — Да, здесь, на Голодной горе, будет рудник. Только сегодня я подписал соглашение с мистером Лэмли из Данкрума, и мы собираемся начать работы в самое ближайшее время.

Человек по имени Донован ничего не сказал. С минуту он смотрел на Бродрика, потом перевел взгляд вверх, на гору.

— Мало хорошего принесет вам это дело, — заметил он наконец.

— Это мы как раз собираемся выяснить, — коротко отозвался Бродрик.

— Я говорю совсем не о деньгах, их-то вы получите, целое состояние наверное, — сказал его собеседник, презрительно махнув рукой. — Об этом позаботится медь, она обогатит вас, ваших сыновей и ваших внуков тоже, в то время как я и мои дети будем все беднеть и беднеть на жалком клочке земли, который у нас остался. Я думаю о тех неприятностях, которые вам придется претерпеть.

— Надеюсь, мы сумеем с ними справиться.

— Надо было сначала спросить разрешения у горы, мистер Бродрик. — Старик указал палкой на каменную громаду, которая возвышалась над ними. — Можете смеяться, сколько вам угодно, — сказал он, — можете кичиться своим оксфордским образованием, своими книгами и прогрессивными замашками, своими сыновьями и дочерьми, которые ходят по Дунхейвену так, словно он создан для их удовольствия, но только я вам говорю, что шахта ваша превратится в руины, дом будет разрушен, дети забыты, а может, наоборот, покрыты позором, а вот гора будет стоять, как стояла, — вечным проклятием вашему роду.

Джон Бродрик стал садиться в карету, не обращая внимания на этот поток красноречия.

— Возможно, — сказал он, — мистер Морти Donovan не откажется получить свою долю в этом руднике, приобретя несколько акций, и тогда не будет так явно демонстрировать свое неудовольствие. Я буду платить хорошие деньги тем, кто станет работать на руднике. Если твои сыновья захотят потрудиться, хотя бы для разнообразия, я с удовольствием возьму их на работу.

Старик презрительно сплюнул на землю.

— Мои сыновья никогда не работали на хозяина, — сказал он, — и никогда не будут, пока я жив.

Разве вся эта земля не принадлежит по праву нам, да и медь тоже, и разве не могли бы мы забрать ее обратно, если бы захотели?

— Дорогой мой Донован, — нетерпеливо проговорил Бродрик, — ты живешь в прошлом, словно двести лет назад, и говоришь как слабоумный. Если вы хотите получить медь, почему бы вам не организовать компанию, не нанять рабочих, не привезти сюда машины?

— Вам отлично известно, что я бедный человек, мистер Бродрик. А кто в этом виноват, как не ваш дед?

— Боюсь, что у меня нет времени на старые распри, Донован. Их лучше позабыть. Всего тебе хорошего. — И Джон Бродрик сделал знак кучеру ехать дальше, оставив старика на дороге, где тот продолжал стоять, опираясь на палку и больше уже не улыбаясь.

Когда карета перевалила через гору, Джон Бродрик окинул взором открывшуюся перед ним картину. Там, по другую сторону залива, виднелась гавань Дунхейвена, остров Дун в ее горловине, а за Дунхейвеном, у самого конца залива, подобно часовому, охраняющему окрестные воды, стоял его замок Клонмир.

Карета с грохотом спустилась с горы, въехала в город, пронеслась мимо гавани, распугивая скот и гусей на рыночной площади, чуть не задавила собаку, которая с лаем бросилась под колеса, и только чудом не сбила босоногого мальчугана, пытавшегося загнать в дом курицу; мимо почты, мимо лавки Мэрфи выехала из деревни и, миновав редкие домишки Оукмаунта, направилась к въездным воротам, возле которых стоял Лодж, дом для сторожа. Ворота были открыты, и он нахмурился, потому что именно из-за подобной небрежности его скот в прошлый

раз оказался на болоте; работники Морти Донована захватили коров и поставили на них клеймо своего хозяина, что еще больше обострило неприязненные отношения между двумя семьями, и он решил при первой же возможности серьезно поговорить с вдовой Грини, которая жила в Лодже, напомнив, что ей поручено ответственное место и что если она не оправдает оказанного ей доверия, то среди арендаторов найдется достаточно желающих его занять и они будут выполнять свои обязанности гораздо лучше.

Проехав через парк и вторые ворота, они миновали аллею, вдоль которой росли деревья, посаженные его отцом, и кусты рододендронов, которыми так гордилась бедная Сара и за которыми теперь любовно ухаживали ее дочери, выехали на усыпанную гравием дорожку, проехали мимо ручья и сада, через каменную арку и назад, к тому месту, где дорожка делала петлю, заканчиваясь перед серыми стенами замка Клонмир.

2

Бродрики обедали в пять часов, и к тому времени как Джон Бродрик умылся и переоделся, сняв дорожное платье, обед был уже на столе, и вся семья собралась в столовой, чтобы поздороваться с отцом после его недельного отсутствия — он ездил в Слейн и Мэнди. Его жена Сара умерла несколько лет тому назад, и ее место за столом напротив отца теперь занимала их старшая дочь Барбара. Она подошла к отцу, чтобы его поцеловать, и ее примеру последовали младшие сестры: Элиза и Джейн. Генри, старший сын Джона Бродрика, уже поздоровался с отцом, когда тот приехал, и теперь стоял около буфета и точил нож, чтобы отец мог нарезать жареного поросенка. Томас, их слуга, стоял рядом с ним, готовый выполнить любое приказание. Прежде чем начать

резать мясо, Джон Бродрик прочитал молитву, после чего приступил к делу, раскладывая куски жареного поросенка на тарелки, которые ему подавал Томас.

— Правду ли говорят, отец, — спросила Барбара, — что раскрыли какой-то ужасный заговор с целью убить кабинет-министра во время его поездки по стране?

— Боюсь, что это весьма вероятно, — ответил Бродрик. — Заговор, кажется, действительно существовал, но его, к счастью, вовремя раскрыли, и ничего плохого не произошло. Этот заговор был инспирирован какими-то подонками, и, когда все объяснится, виновники понесут заслуженное наказание. В Слейне, разумеется, только об этом и говорят. Думаю, это повлияет на ход выборов.

— А что, мистер Хейр снова будет выдвигать свою кандидатуру? — спросил Генри.

— Насколько мне известно, да. Кстати, Генри, ты можешь кое-что сделать в связи с этим. Сообщи всем моим арендаторам, чтобы они были готовы отдать голоса за того, кого я им укажу, а если кто-нибудь из них не явится в назначенный день без уважительной причины — а это может быть только болезнь, — они тут же обнаружат, что у них больше нет крыши над головой.

— Могу ручаться, что кое-кто непременно найдется, — рассмеялся Генри. — Двое-трое по крайней мере. Когда придет время, окажется, что у них сильнейшая лихорадка, так что даже пришлось послать за священником.

— Преподобный отец, если у него хватит ума, постарается на это время куда-нибудь удалиться, чтобы быть подальше от неприятностей, — сказал Джон Бродрик, занимая свое место во главе стола.

Увидев, что стул рядом с ним пуст, он нахмурился.

— Джон опять опаздывает, — сказал он. — Разве он не знает, что я сегодня должен вернуться?

— Мне кажется, он собирался поехать на остров, — поспешно отозвалась Барбара. — Он условился с одним из офицеров гарнизона поохотиться, пострелять зайцев. У них, наверное, что-нибудь случилось с лодкой.

— Я не потерплю неаккуратности ни от кого в этом доме, и менее всего от девятнадцатилетнего мальчишки, — проговорил ее отец. — Клонмир не Эндрифф, и у меня не такой покладистый характер, как у Саймона Флауэра. Имейте это в виду. Объясни своему брату, Генри, как следует себя вести. Мне казалось, что чему-чему, а вежливости в Итоне и Оксфорде вас должны были научить.

— Простите, сэр, — сказал Генри, обменявшись взглядом с сестрой.

— Джон никогда не имел представления о времени, — сказала вторая дочь Бродрика Элиза, которая надеялась снискать расположение отца, встав на его сторону. — Сегодня он проспал завтрак, Тому дважды пришлось его будить.

Незадачливый Джон, который вошел в столовую как раз в этот момент, увидел, что все смотрят на него с сочувствием, за исключением отца и Элизы; быстро пробормотав извинения и багрово при этом покраснев, он занял свое место за столом и еще усугубил неловкость, пролив на скатерть соус.

— Просто удивительно, — сухо заметил отец, — как это случается, что долгое пребывание в нашей глуши превращает джентльмена в неотесанного мужлана, который даже не умеет аккуратно есть. Твои друзья из Брейсноз-колледжа тебя просто не узнают. Впрочем, давайте поговорим о другом. Томас, вы можете нас оставить. Дамам будут прислуживать молодые господа. Дело в том, — сказал он медленно, словно обдумывая каждое слово и глядя